

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

О.И. Тогоева

РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

УДК 94(4). 375/1492

Статья посвящена проблеме понимания предательства в Западной Европе в Средние века и, в частности, предательства секты ведьм и колдунов по отношению к христианскому сообществу. В ней исследуются такие вопросы, как формирование представлений о “секте” ведьм, их “заговоре” против христиан, об их отношениях с дьяволом и участии в шабаше. Специальное внимание уделено проблеме визуализации образа ведьмы-предательницы и использования в ранних изображениях ведьм и колдунов образа Иуды Искарота.

Ключевые слова: Средние века, предательство, ведовская секта, шабаш, христианская община, Иуда Искарот, ранняя иконография ведьм.

Key words: Middle ages, treachery, witch, witches' sabbath, Christian community, Judas the traitor, early witches' iconography.

Приступая к рассмотрению проблемы предательства в средневековом праве, следует прежде всего отметить многообразие форм, которые принимала измена в данный период. Это могло быть и частное дело, касавшееся исключительно членов одной семьи (супружеская измена)¹, и измена вассала сеньору, и предательство короля, которое (в частности, во Франции) к концу XV в. трансформировалось в предательство всей страны². Предательством люди Средневековья называли также нарушение клятвы, данной врагу в условиях плена³, поведение слуги-вора в доме хозяина⁴, дачу ложных показаний в суде по делу собственного друга⁵. Даже убийство, виновным в котором оказывалось домашнее животное (например, свинья), часто рассматривалось как предательство, совершенное им в отношении собственного владельца⁶.

Существовало, однако, и более широкое понимание предательства – как преступления против всего рода людского, вернее, против сообщества истинных христиан. Подобное злодеяние в Средние века считалось прерогативой совершенно определенных людей и/или групп населения: различных религиозных сект, язычников, евреев, а также конверсов, вновь обратившихся к вере отцов. С начала XV в. к ним также присоединились колдуны и ведьмы, которые и будут занимать мое внимание прежде всего.

Что понималось в Средние века под предательством ведьмы? Как мне представляется, на этот вопрос не существует какого-то одного, конкретного ответа: весь образ жизни членов ведовской “секты”, подчинявшихся правилам, установленным самим дьяволом, с точки зрения людей Средневековья, противоречил основным принципам человеческого общежития, расценивался как предательство христианской общины, как отказ от исполнения Божественных установлений. Такое восприятие колдовства прослеживается по материалам самых ранних массовых ведовских процессов, имевших место в Сионском диоцезе (на территории современной Швейцарии) и в соседнем Берне. Здесь уже с 80-х годов XIV в. судьям было знакомо понятие “заговора” ведьм, называемых “сообщницами” (*consortes*)⁷. Речь, таким образом, шла не об индивидуальных занятиях колдовством, а об организованных группах – о “сектах”, для членов которых обязательными являлись заключение договора с дьяволом, принесение ему оммажа и клятвы верности, отказ от христианских догм (иными словами, предательство веры), целенаправленное нанесение окружающим вреда. Данные первых ведовских процессов подтверждаются и одним из самых ранних сочинений, посвященных проблемам демонологии, – “Запиской” Ганса Фрюнда, составленной на немецком языке в самом начале 30-х годов XV в.⁸

Выходец из Люцерна, Фрюнд кратко описал ставшие ему известными из первых рук⁹ подробности ведовских процессов, имевших место в Вале (Сионский диоцез) примерно в 1420–1428 гг.¹⁰ Он отмечал их массовый характер, вызванный существованием большого количества ведьм и колдунов в данном регионе¹¹. Все эти люди находились под влиянием “злого духа” (*boesen geist*), который, воспользовавшись их тайным желанием сделаться богатыми и могущественными, обучил их “многочисленным техникам”, необходимым, чтобы отомстить противникам и заставлять страдать тех, кто причиняет им неудобства¹². Однако, прежде чем передать новоявленным адептам свое “учение”, “злой дух” обязал их перейти к нему на службу и поклоняться ему, отказавшись от веры в Бога и церковные догматы¹³. Для этого ведьмы и колдуны заключали с ним договор, обещая выплачивать ежегодные поборы, будь то черный баран или ягненок, мера овса или части собственного тела¹⁴. Встречи со “злым духом”, согласно признаниям обвиняемых, являвшимся им в виде черного животного (медведя или барана)¹⁵, происходили по ночам, в секретных местах¹⁶, куда они переносились с его помощью верхом на стульях¹⁷. Там они

обучались различным магическим практикам (насылать болезни; превращаться в волков; становиться невидимыми; снимать порчу, наведенную другими колдунами; портить урожай, особенно зерно и вино; понижать удои от коров)¹⁸. Кроме того они промышляли каннибализмом: убивали собственных детей, жарили и ели их мясо¹⁹.

“Сообщество” местных ведьм и колдунов, по мнению Ганса Фрюнда, включало около 700 человек²⁰ и было настолько велико, что уже через год они могли бы избрать короля из своей среды²¹. “Злой дух” внушал им, что им следует становиться все сильнее, дабы не бояться никакой власти, никакого трибунала и, напротив, создать свой собственный суд и угрожать всему христианскому миру²².

Следует особо отметить, что для Фрюнда угроза, которая исходила от описанного им сообщества ведьм и колдунов, была абсолютно реальна. Немецкий хронист искренне верил, что “секта” существует на самом деле и что она представляет угрозу остальному, христианскому миру.

Весьма схожим оказывался и образ, созданный автором еще одного трактата – “*Errores gazariorum*”, написанного во второй половине 30-х годов XV в. предположительно в Аосте²³. Итальянским словом “*gazarii*” с начала XIII в. обозначали самых разных еретиков (патаренов, катаров), однако с конца XIV в. оно также использовалось по отношению к вальденсам Северной Италии²⁴.

“*Errores...*” стали первым сочинением, в котором демонологическая концепция колдовства обрела законченный, структурированный вид. Основное внимание было уделено “секте” ведьм и колдунов, правилам вступления в нее, отношениям ее членов с нечистыми силами. Именно в “*Errores...*” впервые появилось упоминание дьявола, который лично привлекал на свою сторону новых адептов при помощи посредников – людей, уже вступивших в преступное сообщество (*in societate*)²⁵. Дьявол обычно предстал перед ними в виде черного кота (*cati nigri*), которому следовало принести оммаж, поцеловав в зад и пообещав после смерти отдать ему часть собственного тела²⁶. Необходимо было также дать клятву (*iuramentum fidelitatis*): пообещать хранить верность дьяволу и всем членам секты, оберегать ее и никогда не раскрывать ее секреты посторонним, приносить на ее собрания трупы убитых детей, быть готовым бросить все дела ради этих собраний и, наконец, всеми силами “с использованием зелий и

других злодеяний” пытаться мешать любым свадебным церемониям²⁷.

Очень подробно в “*Errores...*” описывались и встречи членов секты, названные здесь “синагогами” (*in loco synagoge*)²⁸. Церемонии принятия в свои ряды новых адептов ведьмы и колдуны посвящали лишь первую часть таких собраний, всегда проходивших по ночам²⁹. Остальное время было отдано “празднику”³⁰: банкету, где поедалось вареное или жареное мясо убитых детей, танцам, а также сексуальным оргиям, на которых царили полная свобода и вседозволенность³¹. Все эти явления расценивались автором “*Errores...*” как абсолютная реальность, недаром он постоянно (как и Ганс Фрюнд) ссылаясь на признания ведьм и колдунов, сделанные в суде³².

Вполне понятно, что подобные описания имели мало общего с действительностью. Скорее, их следует рассматривать как некую искусственную конструкцию, созданную на основании самых различных – как “ученых”, так и “народных” – представлений о колдовстве и последовательно навязываемую обвиняемым на ведовских процессах. Истоки этих представлений далеко не всегда доступны исследователю: так, например, полет на шабаш на стульях, о котором упоминал в своей “Записке” Ганс Фрюнд, является совершенно уникальной особенностью данного сочинения и не повторяется более нигде. Однако в том, что касается темы предательства ведьм и колдунов по отношению ко всему остальному человечеству, истоки образа, на мой взгляд, проследить отчасти возможно.

В этой связи особый интерес представляет пассаж из упомянувшегося выше “*Errores gazariorum*”. Описывая многочисленные зелья, которые использовали ведьмы и колдуны для наведения порчи на окружающих, анонимный автор данного трактата подробно останавливался на одном таком рецепте. Он сообщал, что ведьмы часто похищают католиков, причем особое предпочтение отдают людям с рыжими волосами. Они раздевают и привязывают к лавке свою жертву, а затем помещают в тело несчастного ядовитых насекомых, которые попадают внутрь через рот, нос, анальное и прочие отверстия, кусают и отравляют человека, так что он в результате умирает. Затем они подвешивают его труп за ноги и собирают вытекающие из тела жидкости в специальные сосуды. Из этих жидкостей, перемешанных с детскими внутренностями и ядовитыми насекомыми, которые ранее использовались для доведения человека до смерти, они готовят при помощи

дьявола свое колдовское зелье, способное убить любого, на кого оно попадет³³.

Исследователи уже отмечали несомненную связь данного пассажа с историей одного из самых известных в христианской культуре предателей – Иуды Искарриота. На это прежде всего указывает весьма специфическая смерть человека, попавшего в руки членов ведовской “секты”, – повешение вверх ногами, представляющее собой нечто иное как пародию на распятие Христа³⁴. Не менее интересным элементом рассказа следует назвать и выделяющиеся из тела соки, которые собирают ведьмы. Именно этот последний момент особенно напоминает о судьбе предателя Христа – в том виде, в котором она получила широкую известность в Средние века.

Наиболее показателен в этом контексте пассаж из жития св. Матаса, помещенного в “Золотую легенду” Иакова Ворагинского, где приводится апокрифический рассказ о жизни Иуды Искарриота, основные элементы которого отсылают в свою очередь к истории Эдипа. Иуда точно так же убивает своего отца и женится на собственной матери, после чего во искупление данного греха отправляется к Христу и становится одним из его учеников³⁵. Затем следует предательство и самоубийство героя, описанное Иаковом Ворагинским особенно ярко: “Он собирался повеситься при помощи шнурка, а когда это произошло, его живот лопнул и оттуда выпали его внутренности, но ничего не вышло из его рта. И было справедливым то, что внутренности, в которых и была задумана измена, оказались растерзаны, а горло, откуда вышли слова предательства, было задушено шнурком. Он умер, подвешенным в воздухе, поскольку, оскорбив ангелов на небесах и людей на земле, он оказался помещен вдали от их жилищ и уподоблен демонам воздуха”³⁶.

Иконографический сюжет повешенного на дереве Иуды (часто – с выпадающими из живота внутренностями) получил в Средние века широкое распространение: мы наблюдаем его развитие, в частности, на барельефе из собора Сен-Лазар в Отене (XII в.)³⁷ или на миниатюре из Роскошного часослова герцога Беррийского (XV в.)³⁸. Однако в тот же период в иконографии Иуды возникли и другие, не менее устойчивые, но значительно более важные для нашей темы мотивы. Среди них прежде всего следует назвать цвет волос главного героя: начиная с каролингского времени (а особенно с XII–XIII вв.) Иуда – как и некоторые другие известные предатели (Каин, Далила, Саул, Ганелон) – стал изоб-

ражаться *рыжим*. Впервые возникнув в германских землях, данная традиция постепенно захватила всю Западную Европу, хотя в Италии и Испании подобные изображения двенадцатого апостола встречались достаточно редко³⁹.

Как отмечает Мишель Пастуро, именно образ рыжего Иуды оказал влияние на иконографию других средневековых предателей: постепенно такой цвет волос и/или бороды превратились в отличительный знак *любого* из них. Все, кто, с точки зрения людей Средневековья, занимались бесчестным или незаконным делом, должны были быть рыжими: сенешали, бальи и прево, желавшие обмануть своих сеньоров, палачи, проститутки, менялы, ростовщики, фальшивомонетчики, жонглеры и даже хирурги⁴⁰. К этому стоит добавить, что на изображениях изменился и цвет кожи предполагаемых или явных предателей, и цвет их одежды, которые также стали рыжими, о чем свидетельствует, к примеру, фигура Иуды из немецкого евангелия XII в.⁴¹

В тексте “*Errores gazariorum*”, как мы помним, речь также шла о рыжем человеке, повешенном ведьмами и колдунами за ноги. Однако тема предательства вообще и предательства Иуды в частности обыгрывалась в этом трактате, как мне кажется, особенно изящно. Рыжим оказывался здесь не предатель Сына Божьего и христианской веры, но истинный католик, который в данном случае выступал в роли предателя идеалов собственно ведовской “секты”, за что и нес соответствующее наказание⁴². Любопытно отметить, что упоминание рыжего цвета в столь специфическом контексте встречается и в материалах средневековой судебной практики – например, в деле некой Изабель Пера, чей процесс проходил в 1498 г. в Доммартене (территория современной Швейцарии). Обвиненная в занятиях колдовством, Изабель, в частности, заявила, что при вступлении в секту дьявол требовал от нее отречься от Богородицы, но она отказалась это сделать. Тем не менее, она много раз присутствовала на шабаше, участники которого обзывали Богородицу “Рыжей”⁴³.

Эти данные, однако, не означают, что тема предательства Иуды всегда трактовалась средневековыми демонологами в столь оригинальном ключе. Напротив, в большинстве случаев речь все же шла о стандартной аналогии, при которой Иуде уподоблялись сами ведьмы и колдуны. В частности, анонимный автор “*Errores Gazariorum*” в заключении к своему трактату сам отмечал, что члены преступной “секты” на первый взгляд практически не отличимы от обычных католиков. Более того, их можно легко при-

нять за самых примерных прихожан, ибо в течение года они регулярно посещают мессу и исповедуются. Однако на самом деле, писал он далее, ведьмы и колдуны причащаются точно так же как Иуда, который принял хлеб, обмакнутый в вино из рук Христа⁴⁴, т.е. делают это из страха, что их отказ от таинств может выдать их и их предательство будет раскрыто⁴⁵.

Прямая отсылка к евангельскому тексту, в котором фигура Иуды ассоциировалась с Сатаной, толкающим людей на путь предательства, особенно интересна применительно к восприятию ведьм и колдунов в Средние века. С точки зрения демонологов того времени, именно дьявол – как и в случае с Иудой – стоял за всеми действиями членов преступной “секты”: ему они приносили клятву верности, отказываясь таким образом от верности Христу и истинной вере. Такое понимание проблемы прослеживается и по материалам судебных дел. Например, на процессе 1467 г. некая Пьеретт Тротта из Веркорена (территория современной Швейцарии) обвинялась в связи с дьяволом, который совратил ее и сделал своим адептом. Он назывался ей именем Иуды и представлялся перед ней в образе черного человека с крючковатым носом и в высоком волосатом колпаке⁴⁶.

Однако еще более ясно связь между фигурой Иуды и средневековыми ведьмами прослеживается по иконографическому материалу. Несмотря на то, что от XV–XVI вв. таких изображений сохранилось крайне мало, мы можем, как мне кажется, говорить об определенной тенденции *визуализации* темы ведьмы-предательницы. Прежде всего эта последняя становится рыжеволосой, как на миниатюре 1460 г. к трактату Иоганна Тинктора “Поношение секты вальденсов”⁴⁷ или на картине Ганса Бальдунга (1484/1485–1545) “Ведьмы”, созданной в 1508 г.⁴⁸ Эти изображения любопытно сравнить с более ранними образцами, появившимися в тот период, когда колдовство не воспринималось еще как реальность, заслуживающая самого пристального внимания, а потому мало кого интересовало, как может (или должна) выглядеть настоящая ведьма. Так, на миниатюре из “Декрета” Грациана, датирующейся началом XIV в., перед нами предстает женщина, цвет волос которой определить еще довольно трудно⁴⁹. Верхом на фантастическом монстре она устремляется в неизвестном направлении, что, возможно, призвано было проиллюстрировать сам текст Грациана, для которого полеты на шабаш и происходящее там являлись иллюзией, посланной дьяволом⁵⁰.

К середине XV в. данная концепция, однако, начала постепенно уступать место иной точке зрения, согласно которой колдовство рассматривалось как *реальная угроза*⁵¹. Как следствие, изменилась и иконография ведьмы: отныне не только ее волосы, но и одежда изображалась рыжей, что соответствовало изменениям в образе всех категорий средневековых предателей, отмеченным выше. В рыжее платье одета одна из ведьм на самом раннем изображении полета на шабаш – миниатюре из “Защитника дам” Мартина Ле Франка (около 1451 г.)⁵².

Следует, однако, отметить, что негативное восприятие рыжего цвета не являлось отличительной особенностью эпохи Средневековья. По мнению Мишеля Пастуро, эта традиция имела давние и весьма различные корни: библейские, греко-романские и германские. Кроме того рыжий цвет не всегда указывал исключительно на отрицательных персонажей (в частности, на предателей). Подтверждением тому может служить иконография библейского царя Давида, постоянно изображавшегося с рыжими волосами и бородой. Еще более важным представляется тот факт, что и сам Христос начиная с XII в. становится на средневековых миниатюрах рыжеволосым – точно так же как и Иуда. Таким образом, с точки зрения М. Пастуро, подчеркивалась не столько дистанция между этими персонажами, сколько их близость – близость их судеб, близость, возникающая между жертвой и ее палачом⁵³.

Данное наблюдение имеет, как мне представляется, непосредственное отношение к другой особенности средневековой иконографии Иуды Искариота, который с начала XIV в. изображался преимущественно *левшой*. Отныне его рыжих волос и одежд, а также звероподобного лица было уже недостаточно, чтобы выделить двенадцатого апостола из группы учеников Христа. А потому все значимые действия Иуда совершал теперь левой рукой: ею он сжимал кошелек с 30 сребренниками, прятал за спиной ворованную рыбу, брал хлеб в сцене Тайной Вечери и даже прилаживал веревку к суку, на котором собирался повеситься. Точно такое же использование левой (а не правой) руки мы наблюдаем и на тех редких изображениях ведьм, которые дошли до нас от эпохи Средневековья. Например, на миниатюре из “Защитника дам” Мартина Ле Франка XV в. ведьма левой рукой направляет свою метлу, а в “Письме Офеи Гектору” Кристины Пизанской (начало XV в.) – собирает лягушек⁵⁴.

Данный иллюстративный материал, безусловно, не означает, что все без исключения члены ведовской “секты” представлялись

людям Средневековья рыжими и/или левшами: например, на гравюре из анонимного английского памфлета 1593 г. ведьма кормит своих домашних питомцев именно правой рукой⁵⁵. Точно так же в 1419 г. убийцы Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, отрубили ему именно *правую* руку – дабы положить конец колдовству, которым он, по слухам, занимался⁵⁶. Любопытно, однако, отметить, что иногда устойчивый страх перед правой рукой ведьмы или колдуна, зафиксированный в том или ином конкретном случае в *письменных* источниках, не находил подтверждения в *иконографическом* материале. Наиболее любопытным примером такого “несовпадения” может служить история убийства в 1407 г. герцога Орлеанского, которого также подозревали в занятиях колдовством. Согласно текстам XV в., в момент убийства правая рука герцога была отрублена для того, чтобы после смерти он не смог вернуться к своему преступному ремеслу⁵⁷. Однако для автора одной из сохранившихся до наших дней миниатюр, посвященных этому событию, было совершенно очевидно, что отрубленная рука была (или должна была быть) *левой*⁵⁸.

Таким образом, рассуждать о существовании некоей устойчивой традиции в восприятии средневековых ведьм и колдунов исключительно как левшей (или как правшей) представляется мне несколько преждевременным. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с определенным смещением в понимании дихотомии правое/левое, с переносом смысла, подобным описанной выше ситуации с одинаковым цветом волос у Иисуса Христа и Иуды Искариота. Этот сюжет, на мой взгляд, заслуживает дальнейшего детального изучения.

Одно остается, тем не менее, ясным. Тема предательства Иуды, безусловно, имела самое непосредственное отношение к формированию средневекового образа ведьмы, к оценке угрозы, которую представляли для окружающих “секты” ведьм и колдунов. С точки зрения людей той эпохи, ведьма предавала христианскую общину, саму веру, избирая своим учителем дьявола вместо Сына Божьего, точно так же, как Иуда предавал Христа. Данная аналогия, таким образом, служила *нравственным* обоснованием охоты на ведьм, самого уголовного преследования подобного преступления, что становится особенно ясно при анализе использования истории Иуды при оценке некоторых других преступлений, связанных с темой предательства. В частности, интерес вызывает явное присутствие данной темы в символике “еврейской казни”, при которой приговоренных к смерти (прежде всего евреев, но

вместе с ними и предателей-христиан, и ростовщиков-христиан, и должников-христиан) – так же как в примере из “*Errores gazatium*” – вешали вниз головой⁵⁹.

Прямые или косвенные отсылки к теме предательства Иуды мы находим и в описаниях случаев политического предательства, известных по художественной литературе и по хроникам Средневековья. Как мне представляется, только так можно объяснить весьма туманную историю, рассказанную Эберхардом Виндеке в “Книге императора Сигизмунда” (30–40-е годы XV в.) и посвященную откровению Жанны д’Арк, призывавшему ее поспешить на помощь королю, находящемуся в опасности: речь шла о торжественном обеде, в ходе которого Карла VII собирались отравить. Жанна, проверив еду на собаках и убедившись в истинности своего видения, указала на одного из присутствовавших в зале шевалье и назвала его предателем⁶⁰. Данный эпизод, не имеющий ничего общего с реальной эпопеей Жанны д’Арк, становится, тем не менее, понятнее, если обратить внимание на важное уточнение, сделанное автором: за столом, согласно Виндеке, сидело 12 королевских гостей, один из которых оказался предателем. Как мне представляется, именно этот, незначительный на первый взгляд, элемент рассказа дает возможность интерпретировать всю сцену как аналогию Тайной вечери, где Карлу VII отводилась роль Христа, а неизвестному шевалье – роль Иуды.

То же сравнение предателя с Иудой присутствует и в латинской хронике Жана Шартье, созданной в конце 40-х годов XV в. Речь в ней вновь идет о Жанне д’Арк, а также о Жане Люксембургском, вассале герцога Бургундского, взявшем девушку в плен около Компьеня: “Увы, она была захвачена Люксембургом. Узнав об этом, все подданные королевства плакали от всего сердца. И тогда Люксембург, наподобие Иуды, предавшего Христа, не побоялся продать невинную [Жанну] после мучительного тюремного заключения [и сделал это] под давлением англичан. И этот злодей, виновный во многих других ужасных преступлениях, по наущению дьявола повесился в своей постели, как Иуда, спустя довольно большое время”⁶¹.

Любопытно, что именно эпопея Жанны д’Арк дает нам возможность убедиться в том, что тема предательства Иуды как морально-нравственного обоснования преследования любых форм измены доживает в европейском правовом дискурсе до конца XIX в. В 1894 г., когда в Риме шел процесс канонизации французской героини, архиепископ Экс-ан-Прованса монсеньор Гонт-

Сулар в речи, посвященной этому знаменательному событию, уподоблял Жанну самому Иисусу Христу, а епископа Кошона, осудившего ее на казнь, Иуде, которого церкви надлежало отторгнуть как чужеродный член⁶².

Я полагаю, впрочем, что не только история Жанны д'Арк может предоставить нам свидетельства исключительной живучести образа предателя Иуды в европейском правовом дискурсе. И эта тема, возможно, еще привлечет внимание специалистов.

¹ См. об этом: *Тогоева О.И.* Униженные и оскорбленные: Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / под ред М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2007. Вып. 8. С. 71–101.

² Наиболее подробно данный сюжет рассмотрен в: *Gauvard C.* “De grace especial”: Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991.

³ См., к примеру: *Тогоева О.И.* Несостоявшийся поединок: Уильям Фелтон против Бертрана Дюгеклена // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1997. Вып. 1. С. 199–212.

⁴ Специальная подборка уголовных дел, рассмотренных в суде парижского прево в конце XV в., была посвящена теме предательства слуги, совершившего кражу, по отношению к хозяину: *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. H. Duplès-Agier. 2 Vol. P., 1861–1864. T. 1. P. 398, 406; T. 2. P. 70, 171, 374, 455.*

⁵ *Ibid.* T. 1. P. 344; T. 2. P. 332.

⁶ О процессах над животными, в ходе которых возникала тема предательства, см.: *Pastoureau M.* Les procès d’animaux: Une justice exemplaire? // *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. P., 2004. P. 29–48.

⁷ Материалы этих дел пока не опубликованы, их подробное описание см. в: *Ammann-Doubliez C.* La première chasse aux sorciers en Valais (1428–1436?) // *Imaginaire du sabbat. Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. – 1440 c.) / Réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz-Tremp, en collaboration avec C. Chêne. Lausanne, 1999. P. 63–93.* Андреас Блауэрт, основываясь на анализе судебных документов из Лозаннского диоцеза, Савойи, Пьемонта, Базеля и Люцерны, также приходил к выводу о росте к началу XV в. в этих регионах количества ведовских процессов. Впрочем, их отличительной чертой немецкий историк полагал внимание к традиционным магическим практикам (наведению и снятию порчи) и отсутствие “ученой” концепции колдовства: *Blauert A.* Frühe Hexenverfolgungen: Ketzler-, Zauberei- und Hexenprozesse des 15. Jahrhunderts. Hamburg, 1989. S. 58–59.

⁸ *Fründ H.* Rapport sur la chasse aux sorciers et sorcières menée dès 1428 dans le diocèse de Sion // *Imaginaire du sabbat.* P. 23–45.

⁹ О возможных информаторах Фрюнда см.: *Ammann-Doubliez C.* *Op. cit.* P. 90–93. Против авторства Фрюнда высказывался Андреас Блауэрт, полагавший, что “Записка” является переводом на немецкий язык более раннего анонимного трактата: *Blauert A.* *Op. cit.* S. 68.

- ¹⁰ Fründ H. Op. cit. P. 40–42. Эти сведения подтверждаются данными судебных документов, свидетельствующих, что процессы шли уже в 10-х годах XV в.: Ammann-Doubliez C. Op. cit. P. 80–81.
- ¹¹ «Der hexssen und der zu^obrern, beide wiben und mannen, die da heissent “sortiley” ze latin» (Fründ H. Op. cit. P. 30).
- ¹² “So versu^ocht er den mo^onschen und git inen ze verstân, er welle sÿ rich machen, gewaltig und dabÿ künstenrich und das sÿ ir selbs schaden mo^ogen rechen und den mo^onschen bu^ossen und kestigen, der inen ze leit getân hette” (Ibidem. P. 32).
- ¹³ “Und ee dz er sÿ wo^olte leren, so mu^osten sy sich dem bo^osen geiste eigenen und damitte verlougnen gottes und aller siner heiligen, des heiligen cristenen touffes und der helgen kilchen” (Ibid.).
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ “In eines swartzen tieres wise, etwenn in forme eines beren, etwenn in forme eines widers, und suss in grüwelicher bo^oser forme” (Ibid.).
- ¹⁶ “Es waren o^och ettliche under inen, die fu^oren nachttes in die schu^olen an heimlich stett zesamen” (Ibid. P. 36).
- ¹⁷ Ibid. P. 34.
- ¹⁸ Ibid. P. 34–36.
- ¹⁹ “Ouch warent ettliche under inen, die ir eigenen kint toten und sÿ brieten und assen und sutten, und in ir geselleschafft tru^ogent und assent” (Ibid. P. 36).
- ²⁰ “In der gesellschafft wol vii^c sÿen gesin” (Ibid. P. 42).
- ²¹ “Und wz ir als vil worden, das sy meintent, mo^ochtten sÿ noch ein jare gerichsnet han, so wolttten sÿ einen kúng haben uffgeworffen under inen selben” (Ibid.).
- ²² Ibid.
- ²³ Errores gazariorum, seu illorum qui scopam vel baculum equitare probantur // Imaginaire du sabbat. P. 277–299. О датировке трактата см.: Ostorero M. Commentaire // Imaginaire du sabbat. P. 301–337, здесь P. 330–334; Paravicini Bagliani A. La genèse du sabbat des sorciers et des sorcières. Bern, 2003. P. 3–6, 10.
- ²⁴ Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter // Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901. S. 118, Anm. 1; Andenmatten B., Utz Tremp K. De l’hérésie à la sorcellerie: l’inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420–1445) et l’affermissement de l’inquisition en Suisse romande // Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte. 1992. Bd. 86. S. 69–119, здесь S. 99–100; Ostorero M. Op. cit. P. 301–303.
- ²⁵ “Ipsis existentibus in loco synagoge, seducens diabolo, rationabilis creature inimico, seductum presentare satagit” (Errores gazariorum... P. 288. § 2).
- ²⁶ “Et in signi homagii osculator diabolum in humana vel – ut premititur – in alia specie apparentem, et in culo vel ano, dando ei pro tributo unum membrum sui corporis post mortem” (Ibid. P. 290. § 3).
- ²⁷ Ibidem. P. 288. § 2.
- ²⁸ Насколько можно судить, термин “шабаш” применительно к сборищу ведьм и колдунов впервые появился только в середине XV в., в материалах судебных дел. В 1446 г. в регистре Парижского Парламента упоминалось о процессе, на котором обвиняемая, находившаяся в тот момент в тюрьме епископа Санта, призналась, что “на их шабаш много раз являлся черный человек с огромными сверкающими глазами”: “Confessa que a leur sabbat venoit aucunes foiz un gros homme noir a gros yeux estincelés” (Archives Nationales de la France. Série X – Parlement de Paris. Série X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 24, f. 114–115, avril 1446). Лагинское “sabbatum” первый раз в интересующем нас значении было использовано около 1462 г. в сочинении

- “Flagellum maleficorum” Пьера Мармориса, описывающего, в частности, встречу ведьм и колдунов “ad demoniaca sabbata”: *Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M.* Aux sources du sabbat. Lectures croisées de “L’imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. – 1440 c.)” // *Médiévales*. 2002. N 42. P. 153–176, здесь P. 161.
- ²⁹ “Persistentesque in illis usque ad medium noctis vel circa, et non ultra, quia hec est hora eorum et potestas tenebrarum” (*Errores gazariorum*... P. 296. § 11).
- ³⁰ Подробнее о восприятии шабаша как праздника в показаниях обвиняемых на ведовских процессах и в первых демонологических трактатах см.: *Тогоева О.И.* Шабаш как праздник // *Жизнь как праздник: Интерпретация культурных кодов: 2007 / отв. ред. В.Ю. Михайлин.* Саратов; СПб., 2007. С. 101–119.
- ³¹ *Errores gazariorum*... P. 290. § 3. Интересно, что в специальной литературе полностью отрицается существование в материалах ведовских процессов вплоть до XVI в. описаний гомосексуальных контактов, о которых упоминает, в частности, автор “*Errores...*”: *Herzig T.* The Demons’ Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola’s “*Strix*” // *Sixteenth Century Journal*. 2003. T. 34, N 1. P. 53–72.
- ³² “Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta...” (*Errores gazariorum*... P. 298. § 18). См. также: *Ibid.* P. 294, 296.
- ³³ “Item predicti pestiferi cum possunt habere unum rufum hominem non quidem de secta, sed fidelem catholicam, expoliant eum nudum, eum ligantes super scampnum taliter quod neque manus neque cetera membra movere potest. Quo ligato, circumquaque adducuntur animalia venerata, que coguntur ubique eum mordere per homines aliquos de ipsa secta magis immisericordes et crudeles taliter et adeo quod pauper homo in illis tormentis existens expirat et moritur suffocaturque a veneno. Quo mortuo, suspendunt eum per pedes, ponentes sub ore eius aliquod vas vitreum vel terreum ad tenendum immunditias et venenum, per os et per alios meatus hominis distillant. Qua recollectione facta, cum pinguedine suspensorum in partibus et interioribus puerorum ac etiam animalibus venenatis predictis, que hominem interfecerunt veneno, ministerio diabolico unguentum aliud conficiunt, quod solo tactu interficit omnes homines” (*Errores gazariorum*. P. 292. § 7). О зелье, одно прикосновение к которому убивает человека, упоминается, в частности, в показаниях Жаке Дюрье, обвиненного в колдовстве в 1448 г. в Веве (*Ostorero M.* “*Folâtrer avec les démons*”. *Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448)*. Losanne, 1995. P. 196).
- ³⁴ *Ostorero M.* *Commentaire*... P. 317.
- ³⁵ См. подробнее: *Boureau A.* L’inceste de Judas. Essai sur la genèse de la haine antisémite au XIIe siècle // *Boureau A.* L’événement sans fin. Récit et christianisme au Moyen Age. P., 1993. P. 209–230.
- ³⁶ “Quos tamen poenitentia ductus retulit et ahiens laqueo se suspendit et suspensus crepuit medius et diffusa sunt omnia viscera ejus. In hoc autem delatum est ori, ne per os effunderetur, non enim diguum erat, ut os tam viliter inquinaretur, quod tam gloriosum os scilicet Christi contigerat. Dignum enim erat, ut viscera, quae prodicionem conceperant, rupta caderent et guttur, a quo vox proditoris exierat, laqueo artaretur. In aere etiam interiit, ut qui angelos in coelo et homines in terra offenderat, ab angelorum et hominum regione separaretur et in aere cum daemonibus sociaretur” (*Legenda aurea vulgo historia Lombardica dicta ad optimorum librorum fidem / Recensuit Th. Graesse.* Lipsae, 1850. Cap. XLV: De sancto Mathia apostolo. P. 186).

- ³⁷ Воспроизведение см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: (Exempla XIII века). М., 1989. С. 237.
- ³⁸ Воспроизведение см.: Казель Р., Ратхофер И. Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002. С. 156. Об иконографии Иуды Искариота см. прежде всего: *Porte W.* Judas Ischarioth in der bildenden Kunst. Berlin, 1883.
- ³⁹ *Pastoureau M.* L'homme roux. Iconographie médiévale de Judas // *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. P. 197–209.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 199. Неслучайно хозяйка постоянного двора в Нефшателе, где, согласно обвинению 1431 г., вместе с другими женщинами “неподобающего поведения” долгое время якобы проживала Жанна д’Арк, имела прозвище *La Rousse* (Рыжая), указывавшее на ее занятия сводничеством: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”: Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 148.
- ⁴¹ Воспроизведение см.: *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental (цветная вклейка).
- ⁴² Пассаж из “*Errores Gazariogum*” – не единственный пример того, как библейские сюжеты получали в средневековых текстах трактовку, далекую от оригинала. Не менее любопытен, с этой точки зрения, “Дневник” Парижского горожанина, в котором “классическая” история Юдифи служит аналогией для рассказа о неудавшемся штурме Парижа, предпринятом Жанной д’Арк в сентябре 1429 г. В отличие от всех прочих авторов XV в., именовавших Жанну второй Юдифью и называвших Ветулией спасенный ею от англичан Орлеан, Парижский горожанин видел в Деве Олоферна, осаждавшего столицу Франции. Подробнее см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”... С. 170.
- ⁴³ *Pfister L.* L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommartin (1498). Lausanne, 1997. P. 70.
- ⁴⁴ Ср.: “Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит... Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту” (Иоан. 13, 21–22, 26). См. также: Лук. 22, 21–23.
- ⁴⁵ “Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta inter ceteros fideles videntur esse meliores et communiter audiunt missam, sepe in anno confitentes; et multotiens capiunt sacram eukaristiam ad instar Iude, qui de manu domini etc., et hoc ne, si se retraherent a sacramentorum perceptione, deprehenderentur aut detegeretur eorum error etc.” (*Errores gazariorum*... P. 298. § 18).
- ⁴⁶ Об этом процессе см.: *Strobino F.* Française sauvée des flammes? Une Valaisanne accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996. P. 74, 130–135.
- ⁴⁷ Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка).
- ⁴⁸ Воспроизведение см.: Пирь. Балы. Торжества / под ред. С. Экшута, Т. Евсеевой, О. Лесняк. М., 2010. С. 42.
- ⁴⁹ Данное изображение доступно на сайте: <http://www.moyenageenlumiere.com>.
- ⁵⁰ “Sortilegi sunt qui sub nomine fictae religionis...divinationes scientiam profitentur” (*Decretum magistri Gratiani* // *Corpus Iuris Canonici* / Hrsg. von A. Friedberg. Leipzig, 1879. Pars II. C. XXVI. Col. 1019–1046, здесь Q. I. C. I. Col. 1020).
- ⁵¹ Об отношении к колдовству как к иллюзии или как к реальности среди средневековых теологов, церковных и светских судей см.: *Тогоева О.И.* Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д’Арк // *Средние века*. Вып. 68 (4). М., 2007. С. 160–182.
- ⁵² Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка).
- ⁵³ *Pastoureau M.* L'homme roux. P. 199–202.

- ⁵⁴ Воспроизведение см.: *Imaginaire du sabbat* (цветная вклейка). См. также подборку гравюр XVI–XVII вв. из английских памфлетов, посвященных ведовским процессам, на которых многие изображенные персонажи также являются левшами: *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии: Антропология зла. СПб., 2009. С. 81, 136, 204.
- ⁵⁵ Воспроизведение см.: *Игина Ю.Ф.* Указ. соч. 231. См. также: Там же. С. 138, 140.
- ⁵⁶ *Fresne de Beaucourt G. du.* Histoire de Charles VII. 6 vol. P., 1881–1891. Т. 1. P. 171; *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000. P. 97.
- ⁵⁷ *Fresne de Beaucourt G. du.* Op. cit. P. 171; *Warner M.* Op. cit. P. 98.
- ⁵⁸ Воспроизведение см.: *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism (цветная вклейка).
- ⁵⁹ Подробнее о ритуале “еврейской казни” и его символике см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда». С. 222–254.
- ⁶⁰ *Lefèvre-Pontalis G.* Les sources allemandes de l’histoire de Jeanne d’Arc: Eberhard Windecke. P., 1903. P. 190–192.
- ⁶¹ “A jam dicto de Lucemburgo extitit (proth dolor!) mancipata quo divulgato regnicole merito corde defleverunt ac extunc ipse de Lucemburgo eam innoocentem ad instar Jude Christi traditoris Anglicis emulantibus post longincam carceris torturam venumdari non veritus est” (Bibliothèque Nationale de France. Nouv. acq. lat. 1796. F. 49)
- ⁶² “L’évêque Cauchon ne nous appartient plus que Judas, puisque nous l’avons répudié par le jugement le plus authentique et le plus solennel” (цит. по: *Winock M.* Jeanne d’Arc // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. III: Les France. P., 1992. Т. 3: De l’archive à l’emblème. P. 675–733, здесь P. 696).